

И.И. Митин

ВООБРАЖЕНИЕ И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ

ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ*

Множественность — одна из важнейших черт пространственных репрезентаций места, определяющая и содержание наших представлений о культурных ландшафтах (и, следовательно, самих культурных ландшафтов), и механизм бесконечного (пере)создания все новых и новых представлений. При этом именно воображение, а не восприятие пространства, по всей видимости, выступает ключевым процессом поддержания этой множественности культурного ландшафта и, в целом, «наращивания» его символического капитала, множества смыслов, значений, представлений о культурном ландшафте.

В докладе мы рассмотрим один из, на первый взгляд, простых и формализованных механизмов, влияющих и на воображение пространства, и на «производство» множественности культурных ландшафтов, — переименование места. Мы проанализируем различных существующие подходы к научному осмыслению переименований и попытаемся «уложить» их в единую рамку культурного ландшафта как палимпсеста, включающую, в числе прочего, и факторы, влияющие на трансформацию культурного ландшафта и его воображения.

* Работа выполнена при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект № 20/2019-И «Чтобы помнили...»: Создание атласа-справочника утраченной русской топонимии Ближнего Зарубежья»).

Переименование как (ре)концептуализация места

В отечественной культурной и гуманитарной географии наиболее близко к вопросу переименования места подходит в рамках этнокультурного подхода В.Н. Калуцков (Калуцков 2012; Калуцков 2015; Калуцков 2016; Калуцков 2019). В качестве «базового» понятия он рассматривает понятие *топоса* как местоназвания, единицы пространственной организации культурного ландшафта, причем «любой топоним всегда выполняет пространственно-организационную функцию» (Калуцков 2008: 103), создавая в совокупности с местом *топонос*. Топос существует только в контексте определенного культурного ландшафта и сам формирует таковой (Калуцков 2008: 102–109, 229–231).

Переход на уровень выше осуществляется В.Н. Калуцковым через понятие *геоконцепта* и процесс (гео)концептуализации места. Под геоконцептом понимается «любое значимое для определенного сообщества место, обладающее устойчивым образом» (Калуцков 2012: 27) или — точнее — «знаковое место, имя которого является неотъемлемой частью картины мира определенного человеческого сообщества» (Калуцков 2016: 102). Процесс не естественного (исторического) освоения, а *намеренного конструирования* подобного означенного места-геоконцепта исследователем предложено называть *(гео)концептуализацией* (Калуцков 2012: 28). Она на ономастическом уровне может происходить «в форме номинации или реноминации территории» (Калуцков 2012: 28). При этом процесс геоконцептуализации описывается через «наделение отдельных мест или территорий более высоким культурным статусом», создающее «знаковые для данной культуры места» (Калуцков 2016: 102).

Переименование — иной по сравнению с описанным выше механизм концептуализации места (Калуцков 2019), который добавляет к означенному месту-топосу новый смысл и образ, то есть, в терминологии В.Н. Калуцкова, создает новый или трансформирует существующий геоконцепт.

В обоих случаях место приобретает «новый более яркий смысл» (Калуцков 2019), однако, на наш взгляд, налицо противоречие с упомянутым выше определением геоконцепта,

«завязанным» на некую *устойчивость* образа места. В данном случае не раскрыт механизм символического «наращивания» значений места, семиозиса пространственных мифов (Митин 2004). Воображение пространства в этой парадигме предстает как единичный *акт* — акт переименования или акт символической «возгонки» топонима до нового концептуального уровня. Нам же воображение представляется, прежде всего, как *процесс* семиотически бесконечного (пере)означивания места и символического производства его множественности.

Переименования в критической топонимике

Возникшая на стыке критической географии и традиционных топонимических (ономастических) исследований критическая топонимика послужила в последние десятилетия стимулом к активизации исследований по топонимике именно в рамках географической науки. Соответствующие исследования отходят «от традиционных изысканий в сторону критического осмысления социально-политической и символической роли топонимов, политики номинации и ее политических результатов, а также связанных с ней социально-экономических и иных процессов» (Басик 2018б: 57).

При этом несмотря на отсылки к критической культурной географии, парадигма анализа топонимов была связана с базовыми концепциями новой культурной и гуманистической географии: топонимы рассматривались как символы, «активно вовлеченные в «создание мест»» (Басик 2018б: 58). Иными словами, речь идет о том, что С.Н. Басик называет «топонимическим производством пространства» (Басик 2018б: 59).

Так, Я. Вуолтенахо и Л. Берг замечают, что одной из задач критической топонимики становится «соединение воедино материального и дискурсивного» (Vuolteenaho, Berg 2009: 1). Лавируя между поиском уникальности места в его значении (Tuan 2002; Relph 1976; Entrikin 1991) и пониманием места как уникального в пересечении социальных отношений различного рода (Massey 1991) и опираясь во многом на попытку соединения в городской топонимике проживаемого и воспринимаемого пространств (Certeau 1984: 91–110),

критическая топонимика пытается посмотреть на процесс именованья как на развитие символических значений места, конструирование социальных практик и широкую рамку *place-making*, взятых вместе, в комплексе (Vuolteenaho, Berg 2009).

Этот подход, на наш взгляд, роднит парадигму критической топонимики с категорией культурного ландшафта — одной из немногих в современной культурной и гуманитарной географии объединяющих пространственные представления (репрезентации) и элементы двух других левефровских пространств (Lefebvre 2000; Soja 1996).

Подробный разбор современного состояния и истоков (начиная с античных времен!) критической топонимики можно найти в фундаментальном сборнике под редакцией Л. Берга и Я. Вуолтенахо (Vuolteenaho, Berg 2009; Berg, Kearns 2009; Azaryahu 2009 и др.) или в диссертации Е.А. Терентьева (Терентьев 2006). Мы же сосредоточимся именно на переименованиях.

Таковые представляются как своеобразный акт (социального) нормирования и, разумеется, власти и контроля. Так, в Океании исторически переименования представлялись как неизменный атрибут установления власти, завоевания и покорения и, более того, символическая метафора власти и маскулинности. В то же время именно они становились толчком к формированию новой территориальной идентичности (Berg, Kearns 2009). В новейшее время этот же инструмент используется в политике идентичности в рамках символической и содержательной деколонизации пространства (Berg, Kearns 2009; Helander 2009). Те же механизмы действовали при конструировании государственной идентичности в Израиле, революционных сменах режимов в нацистской, а затем послевоенной Германии и, конечно, при постсоциалистическом транзите. Это позволяет перенести властные отношения на сферу повседневной жизни, вовлечь новые идеологемы в проживаемое пространство обывателя (Azaryahu 2009). Подробный анализ политических дискурсов и проживаемых пространственных практик при подобных «топонимических революциях» в российском контексте представлен в обзоре и собственном эмпирическом исследовании Е.А. Терентьева (Терентьев 2006).

Переименование в палимпсесте

Нам представляется целесообразным, отталкиваясь от положений концепции геоконцепта В.Н. Калуцкова (см. выше) и некоторых подходов критической топонимики (см. выше, а также Басик 2018а) «встроить» трансформацию топонимических практик при переименовании в концепцию культурного ландшафта как палимпсеста. Она предполагает моделирование множественности культурного ландшафта, при которой сосуществующие в реальности места представляются в виде *контекстов*, объединенных теми или иными доминантными значениями (Митин 2014; Mitin 2010, 2018).

Переименование в этой модели представляется форсированным актом намеренного переозначивания места, одним из бесчисленных актов семиозиса пространственных мифов. При этом совершенно особое место в этом переозначивании занимает как редуцируемый прежний смысл (старое название), так и придаваемое месту новое значение (новое название). Семиотический подход к переименованию позволяет сохранить здесь единство материальных практик ландшафта и его визуальности (означающего), трансформирующегося политического (национального, постколониального и т.п.) дискурса (означаемого) и, наконец, локализованных социальных практик проживания места (значения).

Воображение пространства, «отталкиваясь» от доминантных значений сменяющих (или все еще сосуществующих) контекстов, символически наращивает их, превращая в полноценные проживаемые (реальные-и-воображаемые, по Э. Содже: Soja 1996) пространства, в которых восприятие окружающей действительности и, возможно, и поведение индивидов подчиняется новой логике переозначивания.

Так культурный ландшафт вновь предстает палимпсестом сосуществующих значений и практик, а переименование — *одним из многих актов переозначивания* этого места, в котором воображение превращает намеренную и часто персоналистскую (властную) интенцию переименования в повседневную практику людей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Басик С.Н.* Имя и место: Топонимический палимпсест в геокультурном пространстве // Современные проблемы территориального развития. 2018а. № 3. С. 1–15.
- Басик С.Н.* Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Географический вестник. 2018б. № 1 (44). С. 56–63.
- Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М., 2008.
- Калуцков В.Н.* Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 27–36.
- Калуцков В.Н.* О трех столпах географической ономастики: Топоним — географическое название — геоконцепт // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. № 3. С. 7–13.
- Калуцков В.Н.* «Имя» в географии: От топонима к геоконцепту // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 2. С. 100–107.
- Калуцков В.Н.* О концептуализации географического пространства // Общественная география в меняющемся мире: Фундаментальные и прикладные исследования. Материалы X международной научной конференции в рамках X ежегодной научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (Казань, 17–22 сентября 2019 г.). Казань, 2019. С. 105–107.
- Митин И.И.* Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск, 2004.
- Митин И.И.* Место как палимпсест: Мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: Экспертные мнения, аналитика, концепты / Под ред. А.Г. Дружинина, В.Н. Стрелецкого. Ростов-на-Дону, 2014. С. 147–156.
- Терентьев Е.А.* Теоретико-методологическая концептуализация топонимических практик (на примере Москвы и Санкт-Петербурга). Дисс. ... канд. соц. наук. М., 2016.
- Azaryahu M.* Naming the past: The significance of commemorative street names // Critical toponymies: The contested politics of place naming / Ed. by L.D. Berg, J. Vuolteenaho. Farnham; Burlington VT, 2009. P. 53–70.
- Berg L.D., Kearns R.A.* Naming as norming: “Race,” gender and the identity politics of naming places in Aotearoa/New Zealand // Critical

- toponymies: The contested politics of place naming / Ed. by L.D. Berg, J. Vuolteenaho. Farnham; Burlington, VT, 2009. P. 19–52.
- Certeau M. de.* The practice of everyday life. Berkeley LA, 1984.
- Entrikin J.N.* The betweenness of place. Towards a geography of modernity. Houndmills; London, 1991.
- Helander K.R.* Toponymic silence and Sámi place names during the growth of the Norwegian nation state // *Critical toponymies: The contested politics of place naming* / Ed. by L.D. Berg, J. Vuolteenaho. Farnham; Burlington VT, 2009. P. 253–266.
- Lefebvre H.* Writings on cities / Selected, translated & introduced by E. Kofman & E. Lebas. Oxford, 2000.
- Massey D.* Global sense of place // *Marxism Today*. 1991. June. P. 24–29.
- Mitin I.* Palimpsest // *SAGE Encyclopedia of Geography* / Ed. by B. Warf. Thousand Oaks CA; London; New Delhi; Singapore, 2010. Vol. 4. P. 2111–2112.
- Mitin I.* Constructing urban cultural landscapes & living in the palimpsests: A case of Moscow city (Russia) distant residential areas // *BELGEO*. 2018. No. 4. P. 1–15. URL: <https://journals.openedition.org/belgeo/28126>.
- Rolph E.* Place and placelessness. London, 1976.
- Soja E.W.* Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places. Oxford, 1996.
- Tuan Y.-F.* Space and Place. The Perspective of Experience. 9th ed. Minneapolis; London, 2002.
- Vuolteenaho J., Berg L.D.* Towards critical toponymies // *Critical toponymies: The contested politics of place naming* / Ed. by L.D. Berg, J. Vuolteenaho. Farnham; Burlington VT, 2009. P. 1–18.